

II. О печальном юбилее и о Донской Конституции

ПРИБЛИЖАЕТСЯ день двадцатилетнего юбилея трагической смерти первого, после двухсотлетнего перерыва, выборного Донского Атамана, незабвенного А. М. Каледина.

Вспоминаются жуткие январские дни 1918 года, когда Дон захлестывался красной волной, когда молодые казаки-«фронтвики» заболели большевизмом и Донское Правительство и Атаман Каледин остались без живой силы для защиты и ограждения Дона от красного нашествия.

В это тревожное время громко раздавались только безответственные голоса «фронтвиков», распропагандированных красными, а старики и степенные казаки, подавленные и ошарашенные грандиозностью событий, растерянно и понуро молчали, с тайной надеждой чутко прислушиваясь ко всему тому, что исходило из златоглавого Новочеркасска. А там, в атаманском дворце, происходила трагедия большого казака и первого Атамана А. М. Каледина. И эта трагедия 29 января (по ст. ст.) закончилась роковым выстрелом, который по всему Дону разнесся жутким эхом, свергнув всех в печаль и уныние.

А. М. Каледин, непонятый казаками, оставленный ими, попав в безвыходное положение, выбрал трагический выход — сам на себя наложил руку.

Не стало Атамана. Над Доном опустился тяжелый мрак. Воцарилась власть тьмы, невежества и безудержной демагогии. И лишь где-то на Задонских степях носился маленький казачий «светлячок» — Походный Атаман ген. П. Х. Попов со своим отрядом под гордо развевающимся родным донским Знаменем.

Прошло с тех пор ровно двадцать лет. Казачество на родной земле — под прессом красных зверей. Оно не имеет возможности достойно почтить светлую память трагически погибшего своего великого Атамана — Каледина.

Но в эмиграции, в правовых государствах, свободно живут казаки, хотя и в трудных материальных условиях. Вспоминают ли они в день законного двадцатилетнего юбилея своего Атамана, устраивают ли собрания и доклады, посвященные его жизни и деятельности?

Как раз в эти юбилейные дни один казачий журнал («Вольное Казачество»

№ 236), в своей передовой статье посвятил юбилейные строки Каледину. Но, право, гораздо было бы лучше, если бы он от этого воздержался. Эти строки настолько любопытны, настолько выдают все «нутро» того, кто их писал, что следует их здесь воспроизвести. Вот они:

«До сих пор никто не поставил еще вопроса: что могло бы быть, если бы казаки-фронтвики тогда «не заболели»? Не повел ли бы их ген. Каледин на Москву годом раньше Деникина? — Судя по его выступлению на Московском Государственном Советании в августе 1917 г., это было вполне возможно. А результаты? — Результаты наверняка многим бы не разнились от результатов похода ген. Деникина».

Итак, этот казачий журнал, выражаясь проще, говорит: слава Богу, что тогда фронтвики «заболели» большевизмом, иначе Каледин, годом раньше Деникина, повел бы казаков на Москву и погубил бы Казачество!

Мы знаем, что чистое имя Каледина даже в могиле не дает покоя редактору этого журнала, которому страстно хочется, чтобы в Казачестве ничего светлого и чистого, кроме него, не было.

Но мы убеждены, что никакие его «выкрутасы», никакая его мазня, не пристанут к светлому лику Алексея Максимовича!

Разные догадки на тему — что он делал бы, если бы не умер? — занятие праздное. Для нас вполне достаточно того, что мы знаем хорошо — **что он делал при жизни.**

Выдающийся генерал генерального штаба, покрывший себя блестящей славой, герой Луцкого прорыва, раненый и нуждавшийся в лечении и отдыхе, А. М. Каледин приехал в Новочеркасск, проездом в Кисловодск. Ни о чем другом он не жаждал, как об отдыхе и лечении. В это время Войсковой Круг искал кандидата в Войсковые Атаманы. И когда выбор Круга остановился на нем и об этом ему сказали, то А. М. Каледин и слышать не захотел об этом и категорически отказался от выставления своей кандидатуры.

Но Круг напал на слабое место Каледина. Когда ему сказали, что Дон переживает трудную минуту, что нет другого лица, кто мог бы объединить весь Дон, что его долг казака обязывает согласиться выставить

свою кандидатуру, — тогда Алексей Максимович подчинился этому своему казачьему долгу и согласился стать Атаманом, отлично сознавая небывалую тяжесть этого креста и, быть может, внутренним оком видя его трагический конец.

Ибо, чувством долга перед Казачеством было проникнуто все его чистое, честное, искреннее и прямолинейное существо!

Мы не смеем сказать, что он не любил Россию, что он был самостийником в нашем понимании. Это было бы нечестно. Каледин, воспитанный на русской культуре, сделавший блестящую военную карьеру в русской армии, просто в силу своей честной природы не мог питать неприязненного чувства к России.

Но мы смело утверждаем, что в нем казачье превалировало над русскостью! А этого для нас вполне достаточно для преклонения перед его светлой памятью.

Любители булавочных уколов по адресу Каледина должны умолкнуть перед знаменитой фразой А. М. Каледина, сказанной им на Соборной площади в Новочеркасске, после его избрания: «Себе не изменю!». Т. е., я — казак, все казачье для меня свято!

Он не изменил и не мог изменить Казачеству! Он никогда Казачество на гибель не повел бы, как теперь высказывают предположение. Для него Казачество было слишком дорого, чтобы вести его по гибельному пути.

Что бы потом ни случилось, Каледин в глазах казаков останется в своем чистом образе, с незапятнанным именем.

Придет время, мы в это верим, когда Казачество оценит по достоинству служение Каледина ему, поймет его великую трагедию и поставит ему достойный памятник.

Пусть эти наши строки будут нашим скромным венком на его святой могиле, к которой, в нормальное время, в этот юбилейный день, все казаки и казачки должны были стремиться с живыми цветами.

Пользуясь случаем, хотим сказать несколько слов относительно Донской Конституции, которую мы в этом номере перепечатаем, и по поводу которой сейчас в эмиграции ведется полемика.

После семнадцатилетнего спокойного эмигрантского размышления, некоторые умные господа ничего лучшего не нашли, как вести атаку тихой сапой на Основные Законы Всевеликого Войска Донского. Против

тех Законов, которые были идейным фундаментом прошлой нашей антибольшевицкой борьбы, которые придавали этой борьбе глубокий духовный смысл, ставя непроходимую пропасть между бунтом «реакционеров», «капиталистов-помещиков», и казачьей всенародной государственной борьбой. Против тех Законов, которые разрабатывал и утвердил Верховный Хозяин Дона — Войсковой Круг и которые были главной движущей силой, толкавшей казаков на героические подвиги. Против тех Законов, которые единственно являются и ныне законной, идеологической и моральной базой непрекращающейся казачьей антибольшевицкой борьбы.

Что было бы, если бы не было этих наших Основных Законов? Какую моральную базу, какой идеологический фундамент могли казаки подвести под свою антибольшевицкую позицию? Чем казачье политическое движение отличалось бы от, скажем, «борьбы» г. «вожля» Вонсяцкого, желающего править Россией, или «борьбы» какогонибудь Петрова, стремящегося какой угодно ценой за получить свое имение под Москвою?

Ничем абсолютно! Была бы борьба классов, борьба за интересы.

Счастье казаков в том, что у нас есть эти Законы, придающие нашей борьбе народно-государственный характер, отличающие нас от других, возвышающие наше дело над «делами» других именитых господ.

Враги Казачества это знают и для того, чтобы выбить морально-идеологическую почву из под казачьей борьбы, чтобы ослабить казачье дело, чтобы принизить казаков, чтобы придать казачьей борьбе исключительно классовый, бунтарский и разбойничий характер, ведут организованный подкоп под Основные Законы Всевеликого Войска Донского.

Подкапывающиеся под наши Законы ведут свое предательское дело умно и хитро: нигде эти Законы не воспроизводятся, а на страницах различных органов «научно» толкуются отдельные статьи их. Расчет делается на то, что прошло много времени и казаки забыли содержание своих Законов.

Мы эти Законы здесь (ниже) печатаем. Никаких толкований от себя делать не будем, ибо казаки сами прочитают и сами поймут — чем был Дон в недалеком прошлом — российской ли провинцией или самостоятельным государством?

Только обратим здесь внимание на один «конек» врагов Донской Конституции: они

постоянно ссылаются на покойного А. М. Каледина, «доказывая», что он не был самостийником, был против них, что на Московском Совещании он, мол, осудил их, так же осудил бы теперь.

Да, на Московском Совещании А. М. Каледин от имени Казачества читал свою напутственную декларацию, в которой говорилось о единой России, о необходимости созыва Учредительного Собрания.

Когда он делал это свое заявление, он руководствовался чувством любви к Казачеству, желанием ему блага, ибо думал, что в возрожденной федеративной России и Казачество найдет лучшую долю.

Но на самом этом Совещании, где собрался «цвет русского народа», у А. М. Каледина произошел огромный душевный психологический перелом, ибо за эту декларацию, полную любви к разваливающейся России, этот «цвет русского народа», приклеил к нему ярлык «контр-революционера», посеял семя ненависти к Каледину, как и к представляемому им Казачеству.

Поэтому, в голове его немедленно, на уже обратном из Москвы пути, укрепилось мнение о безнадежном развале России и родилась мысль о необходимости «создания Юго-Восточного Союза», во имя блага родного Казачества.

А что произошло потом мы все знаем. Все дальнейшие события только еще больше могли утверждать Каледина в этой мысли. Ибо, пришли большевики, на Дон навалили разъяренные русские солдаты, стали разорять мирные станицы, убивать невинных казаков. Даже еще Вр. Правительство объявило Каледина мятежником и бунтовщиком. Все это еще более делало в душе А. М. психологический переворот в направлении освобождения Казачества.

Объявление Каледина мятежником, сделанное Вр. Правительством, в котором был собран «цвет» русской интеллигенции; большевистский переворот и наплыв на Дон разъяренных русских мужиков под именем красногвардейцев и все последующие события быстро эволюционировали Каледина в сторону Казачества. Именно поэтому, он, в полном согласии с Донским Казачеством, категорически не подчинился приказу Вр. Российского Правительства в августе 1917 года; с места не признал в октябре советское пра-

вительство и взял «всю полноту власти на Дону» в свои руки. Именно поэтому, он был автором первой Донской Конституции, правда, условной.

Что это, как не самоотверженность, т. е. неизживная любовь к Казачеству, выдвижение его на первое место, жертвенное, безкорыстное служение ему?

Для него было ясно, что Россия развалилась, надо спасать свое родное Казачество.

Для старого генерала русской армии такая эволюция была трудная, тяжелая. Но он был казак и казачье в нем взяло верх. Нет никакого сомнения, что этот большой казак, кристальной чистоты человек и в дальнейшем ставил бы выше всего свое родное Казачество, честно и жертвенно ему служил бы.

Получив первоначальное направление именно от А. М. Каледина, казачья общественная мысль эволюционировала и дальше, и, как завершение этой эволюции, явилась в 1918 году новая Донская Конституция, но уже без всяких оговорок.

И нет никакого сомнения, А. М. Каледин, этот «безукоризненно корректный конституционный глава Донской Земли», как пишет Н. М. Мельников, человек, проявлявший «такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле Казачества, его избравшего», как пишет ген. Деникин, со свойственной ему честностью, прямою и лояльностью исполнял бы эти высшие Донские Законы, свято их соблюдал бы, а не искал бы «юристов» для осквернения этих Законов, как делают ныне некоторые так называемые Атаманы.

И напрасно хулители Донских Законов лицемерно прикрываются высоким именем Каледина.

Каледин был казачьим знаменем, казачьей честью. Казачество для него было родным отцом, а законы казачьи — святыней.

Не мог Каледин желать вреда своему отцу, не мог идти против своей святыни — Законов Дона, созданных организованной волей и разумом всего Донского Казачества!

Да будет стыдно тем, кто теперь пишут, что Каледин погубил бы Казачество и тем, кто пытаются пришить к нему ярлык врага Казачьих Законов!